

ПРОКОПОВИЧ Елисей* (Елеазар) (в монашестве — Феофан) [17 (27) IV 1677*, по др. данным 9 (19) VI 1681, Киев — 8 (19) IX 1736, Петербург; похоронен в Софийском соборе в Новгороде]. Родился в семье небогатого купца. П. рано осиротел, и попечение о нем взял на себя его дядя по матери — Феофан Прокопович, ректор Киево-Могилянской коллегии. В 7—8 лет П. был принят в трехгодичную начальную школу при Киево-Братском монастыре, а в 1687 в Киево-Могилянскую коллегию. Биографы отмечают острый ум и прекрасную память П., делавшего большие успехи и обгонявшего своих сверстников. Обладая музыкальным дарованием и звонким голосом, он пел в церковном хоре (по некоторым данным был регентом архиерейского хора).

Для продолжения образования П., не прослушав курс теологии, по примеру мн. современников-украинцев, между 1694 и 1698 отправляется в Польшу. Из Киева П. пришел во Львов (по др. данным, во Владимир на Волыни), где принял униатство и был назначен местным митрополитом в школу учителем поэтики, риторики, а затем префектом. С рекомендательным письмом П. отправился в Рим (возможно, через Краков), где под именем Самуила Церейского с нояб. 1698 продолжал образование в иезуитской греческой коллегии св. Афанасия. По данным регистров, П. окончил курс блестящим публичным выступлением.

Иезуиты, оценив способности П., предлагали ему остаться в Риме с разрешением посещать все библиотеки, слушать лекции не только в коллегии св. Афанасия, но и в Collegium Romanum, где преподавал известный ученый Ж.-Б. Толомай (Птоломей).

Пребывание за границей оказало значительное влияние на духовное развитие П. Он стал свидетелем кризиса средневековой схоластики в сфере философской мысли, убедился в консервативной роли теократизма, познакомился с идеями европ. рационализма (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Б. Спиноза), Реформации (М. Лютер), с достижениями естествознания (Н. Коперник, Г. Галилей). Близко узнав иезуитов, стал противником религиозного фанатизма. Сатирическому осмеянию иезуитов П. позднее посвятит язвительный памфлет «*Descriptio iesuitarum*» (1706; опубл. 1767). Немаловажное значение для его дальнейшей писательской деятельности имело изучение произведений античной и современной литературы.

28 окт. 1701 «без единой на то причины, с большим скандалом» (по записи регистров) П. покинул коллегию, не прослушав и здесь курс теологии. Возможно, возвращаясь в Россию пешком через протестантские страны, П. побывал в Германии и учился в университете г. Галле. *Евгений Болховитинов* предполагал, что в 1702 в Почаевском монастыре П. принял православие и был назван Самуилом, Маркел Родышевский сообщал, что П., «ушедши из Рима, сам на себя мантию надел без обычного пострижения и пришел в Киев монахом» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1). В 1704 в Киеве митрополитом Варлаамом Ясинским П. был «к церкви принят и разрешен» (по словам Арсения Мацевича), а с 1705 принял в монашестве имя Феофана в память своего дяди.

В 1705—1706 П. читает на лат. языке в Киево-Могилянской академии курс поэтики (изд. 1786), демонстрируя энциклопедическую осведомленность в античной, ренессансной и современной филологической культуре. Выходя за рамки нормативной поэтики, П. исследует общеэстетические проблемы происхождения, специфики и назначения поэзии; разрабатывает учение об искусстве как подражании природе посредством поэтического вымысла; настаивает на познавательной, воспитательной и эстетической функциях поэзии. П. обосновывает принцип «декорума» (пристойного) — требование высокой степени обобщения в художественном образе, предвосхищая постановку проблемы идеала в эстетике классицизма. Теоретические позиции П. связаны с эстетикой Ренессанса и умеренного барокко. Критикуя крайние проявления барокко — чрезмерную

экспрессивность, преобладание формы над содержанием, П. допускает использование аллегорий, смешение жанров, соединение реального и сверхъестественного планов изображения. Особый интерес П. проявляет к учению об остроумии, к жанру эпиграммы, рассматривает принцип вариативности. «Поэтика» П. была основой для развития эстетической теории в России до сер. XVIII в. и сохранилась в многочисленных списках.

В курс «Поэтики» П. включил свои лат. стихотворения, эпиграммы — как пример учебных упражнений на заданную тему. Это наиболее ранние лат. поэтические опыты П. (опубл. в кн. П.: 1) *Lucubrationes. Wratislaviae*, 1743; 2) *Miscellanea sacra. Wratislaviae*, 1744), образец поэзии барокко.

По обязанности учителя поэтики П. пишет трагедокомедию «Владимир», которая была поставлена силами учеников академии 3 июля 1705 (опубл. в отрывках 1862; полностью — 1874). Впервые в истории школьной драмы П. обратился к историческому сюжету, изобразив внутренние колебания князя Владимира перед принятием христианства и его борьбу с невежественными жрецами за просвещение. П. дает многоплановое толкование сюжета в философском, политическом и нравственном аспектах, пытаясь предложить свое решение современных проблем соотношения религии и науки, церкви и государства. П. высмеивает обжорство, пьянство, невежество жрецов, их веру в чудеса. Сатира благодаря многочисленным аллюзиям воспринималась как памфлет на современное духовенство, о чем в посл. писал Родышевский: «... священников российских называет жериволами, лицемерами, идольскими жрецами» (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1). Рассуждения персонажей о христианской вере выявляют стремление П. соединить данные науки, аргументацию «от разума» с идеей Бога, т. е. создать новую «христианскую философию». Антиномичность мировосприятия обусловила обращение П. к эстетике барокко, о чем свидетельствуют выбор жанра, использование композиционных принципов контраста и взаимоотражения, установка на драматизацию изображения, соединение различных речевых стихий, нагнетание постановочных эффектов. Героем трагедокомедии является человек смятенный. Но П. намечает путь разрешения нравственного конфликта: осознание долга перед Богом и государством помогает князю Владимиру укрепиться в решении принять христианство. Пьеса П. утверждает приоритет светской власти над церковной, просвещения над невежеством. Она имела большое распространение в списках, получила высокую оценку Н. И. Гнедича.

В 1706—1707 П. читает на лат. языке курс риторики (опубл. 1982, в пер. на укр. яз. — 1979). Называя риторику царицей наук, П. подчеркивает социальную, культурно-просветительскую и агитационную функции ораторского искусства. Характеризуя различные роды красноречия, П. разрабатывает проблему стиля как соответствия средств выражения предмету, теме и жанру высказывания и выделяет три стиля речи — высокий, средний и низкий. В разделе «О пороках ложного красноречия» П. критикует излишнюю цветистость и украшенность речи, неправильное использование аллегорий, характерные для современного пол. красноречия. Основным эстетическим критерием для П. является чувство меры, которое позволяет оратору достичь равновесия между ясностью и украшенностью, краткостью и разнообразием.

Впервые в «Риторике» П. рассмотрены правила судебного красноречия, а также принципы исторического повествования. П. настаивает на недопустимости вымысла и субъективизма в исторических сочинениях и обосновывает их нравственно-воспитательное значение. Языковые идеи «Риторике» П. были развиты в стилистическом учении *М. В. Ломоносова*, который был знаком с трудом П.

В Киеве начинается деятельность П.-проповедника. «Слово <...> в неделю мытаря и фарисея, в честь новобрачных Симеона Мировича и Анны Забеловны» (ок. 1705; изд. 1865) — наиболее ранняя из известных в настоящее время проповедей П.

4 июля 1706 в Киев для основания Печерской крепости прибыл Петр I. На следующий день в Софийском соборе П. произнес «Слово приветственное », в котором назвал царя

продолжателем дел древних киевских князей и дал высокую оценку его преобразованиям и воинским победам.

В 1707—1709 П. как профессор философии и префект Киево-Могилянской академии читает натурфилософию, логику, физику, математику, этику (эти курсы при жизни не опубликованы). В философском курсе проявилось стремление П. отделить философию от богословия и сблизить ее с конкретными науками. П. выступает против догматизма в вопросах веры, настаивает на критическом отношении к библейским текстам. Философский курс П. представляет собой характерный для переходной эпохи сплав схоластики, идей Возрождения, Реформации и Просвещения.

Будучи префектом, П. по заданию Петра I перевел с лат. языка «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное» Ф. Д. де Сааведры. В предисловии к переводу, сделав обзор трудов по истории и теории государственного управления, П. выступает против идеи теократизма, одновременно формулирует и новые стилистические принципы перевода, ориентированные на особенности родного языка, а не языка оригинала.

В круг его знакомых в это время кроме преподавателей академии входил тогдашний киевский губернатор кн. Д. М. Голицын; дружеские отношения связывали П. с Яковом Марковичем, переписка и встречи с которым продолжались до смерти П.

14 июля 1709 П. произнес в присутствии Петра I «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», переведенное по указанию царя на лат. и пол. языки. Содержащиеся в «Слове» рассуждения о причинах Сев. войны, историко-философская оценка Полтавской победы соседствуют с пышным описанием битвы в стиле барочного театрализованного действия. Тогда же П. написал на рус., пол. и лат. языках «Епиникион, си ест песнь победная о тоейжде преславной победе», в котором воспел героя Полтавской битвы Петра I и высоко оценил политическое значение сражения. Создавая «Епиникион» как героическую поэму на историческую тему, П. развивает традиции древнерус. литературы и закладывает основы жанра эпической поэмы XVIII в. (*А. Д. Кантемир*, *М. В. Ломоносов*, *М. М. Херасков* и др.). Поэма написана тринадцатисложным «героическим» размером, по содержанию и текстуально связана со «Словом похвальным...». «Слово похвальное...» и «Епиникион» были изданы в 1709 в Киеве одной брошюрой. «Епиникион» — единственное опубликованное при жизни рус. стихотворение П.

В дек. 1709 Киево-Печерский монастырь посетил кн. А. Д. Меншиков. П. произнес в его честь искусно построенное «Слово». Меншиков рекомендовал митрополиту Новгородскому Иову назначить П. архимандритом Юрьевского монастыря как «учительного» человека. Назначение по каким-то причинам не состоялось, однако П. приобрел в лице Меншикова сильного покровителя.

В 1711 во время Прутского похода П. сопровождал Петра в качестве проповедника. Впечатления похода отразились в стихотворении П. «За могилу Рябою» (при жизни не опубликовано).

После окончания похода в 1711 П. был назначен игуменом Киево-Братского монастыря, ректором академии и профессором богословия. В 1711—1716 он читает курс лекций по богословию, оставшийся незавершенным (неполное изд.: Лейпциг, 1782). В решении теологических проблем П. нередко следует протестантским концепциям, обосновывая синтез веры и знания, вводя критерий разума в теологию. П. отстаивает правомерность гелиоцентрической системы мира на основе учения о двойственности истины. В это же время им написано лат. стихотворение-инвектива «Папское осуждение Галилея» (при жизни не опубликовано).

Элементы пантеизма и деизма в философских и богословских курсах П. воспринимались ортодоксальными богословами как ересь. Так, трактат П. «Об иге неудобноносимом» (1712) вызвал резкую критику *Феофилакта Лопатинского*, который назвал его «писанием противничим, вносящим в мир российский мудрования

реформатские <...> о законе Божии и оправдании». Курс богословия П. был полемически направлен против католицизма и идеи унии.

К этому времени, очевидно, относятся т. н. «аскетические» проповеди П., посвященные догматическим вопросам (изд. на пол. языке 1744, рус. пер. — 1765).

К богословским трудам примыкают написанные в Киеве «Разговор гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным» (изд. 1916) и «Разговор тектона, сиречь древо дела, с купцом», в которых в форме диалога популярно на разговорном укр. языке разъясняются сложные проблемы теологии. П. выступает против сознательного и упорствующего невежества, а также против полужнания людей, «губы примаравших латиною»; утверждает необходимость грамотности для всех людей независимо от их сословной принадлежности; противопоставляет католицизм («Польшу») и протестантизм («немецкие города») как два направления духовного развития, отдавая предпочтение последнему. «Разговоры» являются и литературным памятником; П. индивидуализирует образы спорящих, использует языковые средства комического.

В 1715 Петр I вызвал П. в Петербург, но из-за болезни П. переезд задержался. П. неохотно покидал Украину: его не прельщала предлагаемая епископская должность. «Я люблю дело епископства и желал бы быть епископом, если бы вместо епископа мне не пришлось быть комедиантом», — писал он Я. Марковичу 9 авг. 1716 (Тр. Киевск. дух. акад. 1865. № 1).

14 окт. 1716 П. приезжает в Петербург. Петр I в это время был за границей, поэтому П. явился к Меншикову, который принял его весьма благосклонно. В отсутствие царя П. произносит проповеди (первая из петербургских проповедей — «Слово в день рождества <...> Петра Петровича» — 29 окт. 1716), которые пользовались большим успехом и сразу отдавались в печать.

10 окт. 1717 возвратился из-за границы Петр I. К его встрече П. сочинил две небольшие приветственные речи от имени детей Петра и от имени народа. Тогда же Петру I было преподнесено «Родословие великих князей и царей российских» (1717) — труд П. по истории России, над которым он работал с 1716 по заданию Петра, используя древнерус. летописи, хронографы, степенные книги. Лаконично характеризуя деятельность рус. князей, П. выделяет их военные победы. «Родословие...» П. — первый в России XVIII в. труд по рус. истории. Впосл. (до 1725) П. составил более подробный его вариант: «Собрание от летописателей краткого ведения от начальства великих монархов российских, на престолах государственных бывших, по степеням и по летам zde описуемым» (при жизни не опубликовано), о работе над которым сообщал Я. Марковичу в письме от 10 мая 1720. Интерес П. к истории был последовательным: он усиленно изучал древнерус. летописи; исторические экскурсы постоянно присутствуют в его произведениях.

23 окт. 1717 П. произнес в Троицком соборе «Слово в неделю осмуонадесять» о пользе путешествий. Лучшие проповеди П. петровского периода («Слово похвальное на тезоименитство <...> Екатерины» — 24 нояб. 1717, «Слово о власти и чести царской» — 6 апр. 1718, «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского» — 3 нояб. 1718, «Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною шведскою мире» — 28 янв. 1722) — образцы конкретной и точной политической публицистики, связанной с современностью, полемически заостренной против оппозиции. В них П., ставший «посредником между Петром и народом» (Ю. Ф. Самарин), популяризирует и обосновывает петровские преобразования: он утверждает необходимость неограниченной самодержавной власти, приветствует европеизацию быта, развитие промышленности и градостроительства, создание регулярной армии и флота, реорганизацию церковного и государственного управления, расцвет просвещения. Сопоставляя Россию в прошлом и настоящем, П. отмечает ее возросший международный авторитет. В проповедях П. утверждается светская система нравственных норм, основой которой вместо идеала христианской добродетели становится идея служения государству. Композиционным

центром «слов» П. является образ Петра I — воина, «работника», «скульптора», изваявшего новую Россию. Петр I представлялся П. воплощением нравственного идеала человека и государя. Созданный им образ царя пройдет через всю литературу XVIII в.

2 июня 1718 П. становится епископом Псковским, несмотря на протест *Стефана Яворского*, указывавшего, что еретические взгляды П. «несогласны» церковному вероучению. Стефан Яворский настаивал на отречении П. от своих взглядов и даже написал текст отречения. По воле Петра посвящение в епископы состоялось, П. пришлось ответить на 15 пунктов обвинения, а Стефану Яворскому при свидетелях принести извинения.

Получив сан епископа, П. остается в Петербурге в качестве ближайшего помощника царя в церковной сфере. В 1719 при участии Петра I он пишет «Духовный регламент» (1721) в обоснование реформы, упразднившей патриаршество, подчинившей церковь государству и подорвавшей имущественный статус церкви. «Духовный регламент» имеет и литературное значение, т. к. под пером П. теоретический трактат превратился в страстный памфлет против невежественного духовенства, в яркий гимн просвещению. В это же время П. пишет «Розыск исторический <...> опонтифексах» (1721) «О возношении имени патриаршего в церковных молитвах» (1721) «О правилах причта церковного и чина монашеского» (1722) и др. сочинения — идеологическое обоснование церковной реформы.

Во вновь учрежденном Синоде П. с 1721 является вторым вице-президентом, реально исполняя руководящую роль. 25 июня 1725 П. становится архиепископом Новгородским.

П. создает политико-юридический трактат «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722) в защиту указа о новом порядке престолонаследия. П. — первый теоретик государства и права в России, его трактат — «краткая энциклопедия русского государственного права» (В. О. Ключевский). Считая абсолютизм лучшей формой правления, П. мотивирует это убеждение идеей «общего блага», «всемирной пользы». Обширная аргументация основывается на теориях естественного права и общественного договора, на объективных (географических и демографических) факторах и исторических примерах; «доводы от Писания» занимают в концепции П. подчиненное место.

В 1722 П., выполняя задание Петра I, участвует как редактор в составлении «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии» (изд. 1773). Перу П. принадлежат в «Истории» несколько отрывков: колоритный портрет предателя Мазепы, описание начала Полтавского сражения и рассказ о знаменитом «ботике» Петра, от которого пошел весь рус. флот.

Утверждая в своих сочинениях необходимость развития науки и просвещения, П. практически содействует реализации этой идеи. Он участвует в книгоиздательской деятельности. В 1723 П. пишет предисловие и комментарии к книге Аполлодора Афинского «Библиотеки, или О богах» (1725), где критикует антропоморфные представления древних о богах и выявляет сюжетное сходство Священного Писания и античной мифологии.

П. пишет букварь «Первое учение отроком» (1720) — катехизисное изложение вопросов православной веры, где утверждает, что основой благосостояния государства является всеобщая грамотность и религиозное воспитание детей с раннего возраста. Букварь П. написан не на чистом церковнослав. языке, а на его гибридном варианте с элементами просторечия. П. осуждает излишнюю обрядность и критикует суеверия. Книга П. сразу была издана за границей на англ. и нем. языках, в России с 1720 по 1724 вышло 12 изданий. Она имела чрезвычайное распространение в слав. странах (напр., в Сербии вышло семь изданий), была популярна в России и в XIX в.

Просветительские тенденции П. повлияли на язык его сочинений. В «Духовном регламенте» и «Мнении об исправлении Библии» (1722) П. выступает против «грубости» и «стропотности» (трудноодолеваемости) церковнослав. языка, обосновывая

необходимость перевода церковных книг на живые национальные языки. В своей литературной практике П., ориентируясь на уровень аудитории, реформирует книжнослав. язык, сознательно упрощает и сближает его с языком разговорным. Языковая программа П. оказала влияние на дальнейшее развитие рус. литературного языка XVIII в., в частности на филологические изыскания *В. К. Тредиаковского*.

П. принимает деятельное участие в организации образовательных учреждений и в книгоиздательской деятельности. В 1720 по его инициативе была открыта типография Александро-Невского монастыря, выпускавшая в т. ч. учебники, книги для чтения. В 1721 он учреждает синодальную школу при Александро-Невском монастыре. Почти одновременно П. открывает в 1721 в собственном доме на Карповке свою школу. Устав школы, сочиненный П., ее быт соответствовали намерению Петра I и самого П. в условиях изоляции от семьи создать новую породу людей. Широта программы позволяла считать школу лучшей в России. Здесь преподавались риторика, физика, философия, математика, музыка, рисование, ремесла; учебные занятия чередовались с играми, физическими упражнениями, сценическими представлениями. Певческая капелла Карповской школы славилась в Петербурге.

За 15 лет существования школы в ней училось 160 человек — сирот и детей из бедных семей, которых П. обеспечивал за свой счет книгами, одеждой (в т. ч. *Г. Н. Теплов*, будущие академики *А. П. Протасов*, *С. К. Котельников*).

Проявляя терпимость в вопросах веры, П. не придавал значения религиозным убеждениям приглашаемых в гимназию учителей. В 1723 он поддержал кандидатуру профессора *Х. Вольфа*, которого нем. пиетисты объявили атеистом.

П., превосходно зная греч., лат., ит., пол. языки (на склоне лет начал изучать древнеевр. язык), мог свободно общаться с иностранцами, которые высоко ценили его эрудицию и веротерпимость. П. переписывался с известным европ. протестантом *И.-Ф. Буддеем*, с нем. учеными *Ю.-С. Шаршмидтом*, *А.-Г. Франке* и др. Общение с учеными не было только официальным. В доме П. собирались образованные люди. По свидетельству *Т.-З. Байера*, которого связывала с П. тесная дружба, «вечера те аттическими были, а собрания его — академиею, откуда никто не выходил не обогащенным знаниями».

Круг интересов П. был весьма обширным; имея глубокие познания в истории, теологии, философии, он, по свидетельству дат. ученого и теолога фон Гавена, путешествовавшего в 1736 по России, занимался математикой, физикой, астрономией. П. был постоянным читателем Б-ки Академии наук. Он интересовался живописью, имел личные контакты с известным художником *А. Матвеевым*. По словам современников, П. любил слушать инструментальную музыку.

П. обладал крупнейшей по тем временам библиотекой. В ней было более трех тысяч книг, изданных в разных городах Европы, большую часть которых составляли теологические труды в основном протестантского толка (948 названий), много было книг по истории (507), философии (365), праву (512), естествознанию и военному искусству. Были и редкие слав. книги, печатные и рукописные.

В 1720-х гг. П. по существу стоял во главе целого направления в духовной жизни России, представители которого отстаивали развитие науки и просвещения, поддерживали преобразования Петра I, развивали просветительские идеи в своих сочинениях: *А. Д. Кантемир*, *В. Н. Татищев*, *Гавриил Бужинский*, *Феофил Кролик*. Все члены неформальной корпорации просветителей, «ученой дружины», были связаны дружескими, научными и литературными контактами, придерживались одних политических взглядов.

Так, тесная дружба связывала П. с *В. Н. Татищевым*, с которым они познакомились во время Прутского похода в 1711. Общение с Татищевым обусловило появление нескольких трудов П. («О браках правоверных лиц с иноверными рассуждение», 1721; «Рассуждение о книзе Соломоновой, нарицаемой “Песни песней”», 1730; опубл. 1774). Со своей стороны, Татищев почти в каждой из своих книг ссылается на авторитет П. Именно

Татищев в 1731 первым поставил перед Академией наук вопрос об издании «Слов и речей» П. на нем. языке.

28 янв. 1725 скончался Петр I. У гроба П. произнес знаменитое «Слово на погребение», вызвавшее сильное волнение среди слушателей. В прощальном «Слове» П. впервые поставил вопрос о необходимости продолжать дело Петра I. Эта мысль проходит через все сочинения П., созданные для увековечения памяти царя-преобразователя: «Слово на похвалу <...> Петра Великого», «О смерти и погребении Петра Великого краткая повесть» (оба произв. — 1725).

После смерти Петра I положение П. осложнилось, несмотря на то, что он помог Екатерине I взойти на престол. Представители церковно-политической реакции (Георгий Дашков, Феофилакт Лопатинский, И. Смола), стремясь уничтожить преобразования Петра и реставрировать патриаршество, разворачивают борьбу и против П. Их орудием становится Маркел Родышевский, который в июле 1726 представил в Тайную канцелярию донос на П., а также на Гавриила Бужинского и Феофила Кролика с обвинением их в еретичестве. «Мое положение было так стесненно, что я думал, что все уже для меня кончено», — писал П. в одном из писем (Тр. Киевской дух. акад. 1865. Т. 1). П. и Феофил Кролик даже думали об эмиграции в Швецию. На все последующие годы П. оказался втянутым в борьбу, показав себя в ней жестоким и часто коварным человеком, безжалостно расправлявшимся со своими врагами (дело по обвинению П. в еретичестве слушалось в Тайной канцелярии дважды — в 1726—1727 и 1731—1732).

Продолжая политическую борьбу за сохранение петровских преобразований, П. в 1727 пишет на лат. языке «Оду Петру II в честь его восшествия на престол» — парафразис псалма 100, в которой иносказательно изложена политическая программа для молодого императора.

В период господства Верховного тайного совета П. и А. Д. Кантемир в своих стихотворениях выступают против идейной и духовной реакции. Когда Кантемир написал в кон. 1729 сатиру «На хулящих учения. К уму своему», она случайно попала к П., и тот поспешил «рассеять» ее повсюду. В апр. 1730, возвращая сатиру автору, П. приложил к ней похвальные стихи «Феофан, архиепископ Новгородский, к автору сатиры» (при жизни не опублик.; изд. 1762, в составе соч. Кантемира). Сам Кантемир писал, что после этого он «стал прилежать к сочинению сатир». Сатиры Кантемира идейно и сюжетно связаны с сочинениями П. Очевидно, под влиянием первых сатир Кантемира П., написав две лат. эпиграммы на Дашкова, пишет и лат. «Сатиру на Дашкова» (сер. 1730), отрывок из которой Кантемир в посл. процитировал в примечаниях к обращенной к П. своей третьей сатире «О различии страстей человеческих». Язвительно высмеивая Дашкова, П. создает острую политическую «сатиру на лицо».

Кантемир, Татищев и П. возглавили дворянскую оппозицию, выступившую в 1730 против олигархических замыслов «верховников» ограничить «кондициями» самодержавную власть новой императрицы Анны Иоанновны. Верховный тайный совет П. называл «сковническим тиранством или насильством, которая олигархия у еллинов именуется...» (Рус. арх. 1909. № 3. С. 433—434). В защиту абсолютизма он выступил и в своем политическом памфлете «История об избрании и восшествии на престол <...> государыни Анны Иоанновны» (1730; изд. 1737).

При Анне Иоанновне П. пытался развивать петровские идеи: выходят указы о поднятии нравственного и образовательного уровня духовенства, об учреждении повсеместно семинарий, ограничительные постановления о монашестве. В «словах» и речах, обращенных к Анне Иоанновне, П., называет деяния Петра I примером для подражания и разворачивает программу дальнейших преобразований в системе управления государством, в судопроизводстве, в науке и просвещении. Проповеди П. в этот период, лишенные яркого жизненного материала, замыкаются в рамках церковного красноречия, в них остро звучит мотив бренности жизни.

С частной жизнью П. в Петербурге связано появление разных тематических групп стихотворений, ориентированных на особую культурную среду и соответствующие традиции восприятия. Это стихотворения об учителях Карповской школы, написанные в жанре шуточной дружеской эпитагмы (как правило, в двух вариантах — лат. и рус.). Среди них выделяется «Благодарение от служителей домовых эконому Герасиму за солод нововымышленный» (1735; опубл. 1868), где проявилось мастерство П. в индивидуализации речи персонажей; мифологические и библейские атрибуты барочной эпитагмы в «Благодарении...» впервые используются для создания пародийного текста. Общение П. с учеными Академии наук вызвало появление лат. стихотворений (без авторского перевода), написанных в стиле традиционного античного послания и эпитагмы (среди них адресованное Т.-З. Байеру стихотворение «Ad Theophilum Sigefridum Baijerum pro extincto filio dolentum» — «Геофилу Зигфриду Байеру, опечаленному смертью сына» (при жизни не опубл., впервые: Тр. Киевской дух. акад. 1865. Т. 3). П. писал и духовные стихи, вероятно для учащихся Карповской школы, используя жанр парафразиса псалмов («Всяк себе в помощь Вышняго предавыи» — парафразис псалма 90). С различными событиями из жизни Анны Иоанновны связана особая группа стихов П. «на случай» («Прочь уступай, прочь», «Е. и. в. на пришествие в село подмосковное Владыкино», 1730; при жизни не опубл.).

П. был незаурядным поэтом. Он впервые ввел в рус. поэзию ит. октаву («Е. и. в. на пришествие в село подмосковное Владыкино», а также «К автору сатиры», 1730), использовал алкееву строфу («Ода Петру II»), разнообразил способы рифмовки и строфику стихов, чередуя разные по длине строки. Мн. стихи П., очевидно под влиянием народной песни, приближаются к правильному тоническому размеру. Некоторые стихотворения становились песнями («За Могилою Рябою», «Прочь уступай, прочь», «Всяк себе в помощь Вышняго предавыи», «О суетный человек, рабе неключимый», «Кто крепок, на Бога уповая», «Плачет пастушок») и нашли широкое распространение в рукописных песенниках XVIII в. В. К. Третьяковский, высоко оценивая поэтическое мастерство П., сравнивал его с Горацием.

П., «просветитель в рясе» (Н. К. Гудзий), олицетворял противоречивую сущность петровской эпохи. Ренессансная разносторонность, разнообразие духовных интересов поставили П. в центр политической, идеологической и литературной жизни России первой трети XVIII в.

Творчество П. — связующее звено между древнерус. литературой и литературой нового времени. Творчество П. оказало влияние на развитие общественной мысли и литературы XVIII в. Традиции П.: просветительская направленность, критика невежества и суеверий, защита науки, прогрессивных преобразований Петра I — получили развитие в сочинениях А. Д. Кантемира, В. Н. Татищева, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова. Ораторское искусство, поэтическое мастерство П., публицистическую злободневность его сочинений высоко ценили Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Д. И. Фонвизин. В XIX в. к историческим трудам П. обращался Пушкин, его сочинениями интересовались декабристы, Белинский и Чернышевский.

П. был самым печатаемым при жизни писателем первой трети XVIII в. В 1760—1765 в Петербурге С. Ф. Наковальниным были изданы «Феофана Прокоповича <...> слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. 1—3) — первая попытка научного издания ораторской прозы П. В конце ч. 1 помещена библиография сочинений П. на рус. языке, которые издатель разделил на группы — богословские, политические, стихотворческие. В 1774 была дополнительно издана ч. 4, в которую вошли богословские сочинения П. В «Сочинения» П. (М.; Л., 1961) включены лучшие проповеди, трагедокомедия «Владимир», стихотворения и трактат «Поэтика». Полного научного издания сочинений П. нет.

Лит.: [Rudnev D. S.] Vita Theophanis Procoppwicz // Tractatus de processione Spiritus Sancti. Gotha, 1772; *[Beier Th. G. S.] Vita Theophanis Procopowitsch // Nordische

Nebenstunden / Hrsg. von I.-B. Scherer. Frankfurt; Leipzig, 1776. Th. 1 (укр. пер.: Життєпис Теофана Прокоповича // Філософська думка. 1970. № 3); *Чистович И. А.*: 1) Решиловское дело. СПб., 1861; 2) Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1; *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880; *Тумлинов Б.* Феофан Прокопович // Рус. биогр. словарь. Т. «Яблоновский — Фомин» (1913); *Stupperich R.* Feofan Prokopovic in Rom // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1931. Bd. 5; *Krupnickij V.* Theofan Prokopovič und Sweden // Annalecta Ordinis Sancti Basilii Magni. 1934. N. 3—4; *Просина А. Б.* Полит. доктрина Ф. Прокоповича // Актуальные проблемы правовой науки: Сб. аспирантских статей. М., 1970; *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования лит. классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9; *Szackraft J.* Feofan Prokopovich: A Bibliography of his Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. Vol. 8; *Ничик В. М., Рогович М. Д.*: 1) Про неточності у життєписах Ф. Прокоповича // Філософська думка. 1975. № 2; 2) Феофан Прокопович в рукоп. сб. XVIII в. // Рус. лит. 1976. № 3; *Ничик В. М.*: 1) Феофан Прокопович. М., 1977; 2) Феофан Прокопович в оцінці російських мислителів і письменників // Філософська думка. 1978. № 1; *Моисеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979; *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи: Проблема языкового типа // Язык рус. писателей XVIII в. Л., 1981; *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.

Т. Е. Автухович